

УДК 130.2

Концепты метафизического страха (Angst) и безопасности (Geborgenheit) в немецкой философии культуры

Чеснокова Леся Владимировна

Аспирант кафедры философии,
Омский государственный педагогический университет,
644099, Россия, Омск, наб. Тухачевского, 14;
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются два важнейших концепта немецкой культуры: Angst (метафизический страх) и Geborgenheit (безопасность, чувство защищенности). Особое внимание уделяется интерпретации этих антонимических понятий в экзистенциальной философии. Приводятся такие черты как неопределенность, беспричинность, связь с временной природой человека, характеризующие метафизический страх, и состояние предсказуемости, порядка, душевного комфорта, свойственные концепту безопасности.

Ключевые слова

Концепт культуры, метафизический страх (Angst), чувство защищенности (Geborgenheit), экзистенциализм, Ничто.

Введение. Концепт как ключ к пониманию национальной культуры

В сознании любого человека присутствует некое базовое ядро знаний,

национально обусловленная система символов и ассоциаций, которую каждый представитель той или иной культуры усваивает в процессе социализации в своем обществе. Усвоив ее, человек как бы получает ключ к национальной

культуре, принадлежность к которой обуславливает особенности восприятия мира. Культура, сформировавшая мировоззрение человека, является своего рода призмой, через которую он смотрит на окружающий его мир, согласуя свои действия с системой ценностей, свойственных его обществу.

Эти особенности национально-го сознания сохраняются и проявляются с помощью национального языка («дома бытия» (Хайдеггер)), в котором фиксируется уникальный культурно-исторический опыт народа.

Во всех языках существуют определенные ключевые слова, в осмыслении и интерпретации которых раскрываются особенности мировосприятия народа. Обозначая собой главные понятия национальной культуры, они сами представляют собой ее элементы, обозначают ее и одновременно получают в ней свое осмысление. Следовательно, это одновременно как составные элементы культуры, так и ключи к ее пониманию. Эти слова связаны с особенными ценностными представлениями и нагружены специфическими для каждой культуры ассоциациями. Часто они выражают разветвленную систему идей, помогающих выявить этнокультурную специфику того или иного народа.

Такие слова в современной гуманитаристике получили название концептов, дав начало новому направлению – концептуально-культурологическому. По словам В. П. Нерознака, «речь идет о широком взгляде на слово, которое изучается на стыке целого ряда гуманитарных отраслей знания – лингвистики, литературоведения, логики, философии, искусствоведения и культурологии»¹.

В терминах Ю. С. Степанова концепт – микромодель культуры, он порождает ее и порождается ею. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»².

Концепты всегда обладают национальной спецификой. К их числу относятся не любые слова, а наиболее характерные и емкие понятия, без ко-

1 Нерознак В. П. Теория словесности: старая и новая парадигмы // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 8.

2 Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 43.

торых трудно представить себе данную культуру («авось» русских, «порядок» немцев и т.п.). По словам В. А. Масловой, «концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом; это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который порождает слово и выражаемое им понятие»³. Это предмет эмоций, симпатий и антипатий, а также ценностных суждений.

Количество национальных концептов ограничено. Сюда входят только те слова, которые являются актуальными для данной культуры: ее символы, вошедшие как в народное творчество, так и в художественные тексты. В них хранится культурная память народа.

Национальные концепты с трудом переводятся на иностранные языки, являясь национальными и языковыми лакунами для других культур. Исследователи определяют лакуны как «пробелы, белые пятна на семантической карте языка, текста или культуры, являющиеся способами существования национального сознания»⁴.

Как правило, при их функционировании в рамках одного языка и культуры лакуны незаметны, но обнаруживаются при их сопоставлении в условиях межкультурного диалога. Скорее всего, наличие лакуны в другом языке связано не с отсутствием соответствующего понятия, а с тем, что оно не играет особой роли в данной культуре.

Одним из основных признаков национального концепта является его укорененность в национальной концептосфере, связь с другими ключевыми концептами культуры. Входя в единую национальную концептосферу, основные национальные концепты связаны друг с другом. Как отмечают исследователи, подобные ключевые слова обладают свойством как бы «притягиваться» друг к другу. Так, в русской культуре можно говорить о связи таких концептов, как воля, удаль, тоска, простор. «Очень часто они появляются в текстах рядом: воля тянет за собой удаль, разгул заставляет вспомнить о тоске, а к просторам так и просится эпитет родные»⁵.

Основные концепты немецкой культуры также связаны между со-

3 Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Минск: Тетра-Системс, 2004. – С. 27-28.

4 Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – С. 4.

5 Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Широка страна моя родная // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 186.

бой. Одним из важнейших немецких концептов является страх (Angst), который лежит в основе многих немецких концептов, в частности, такого важного немецкого концепта как Ordnung (порядок), являющимся предопределяющим для немецкого национального характера с его стремлением все тщательно запланировать, страхом перед неупорядоченностью и хаосом и нелюбовью к спонтанности. Концепты Heimat (родина), Heim (домашний очаг) и Geborgenheit (безопасность, защищенность) характеризуют состояние или место, где человек не испытывает страха.

Angst как основной концепт немецкой культуры

Angst (метафизический страх) – центральный концепт немецкой культуры, содержание которого отражает специфику немецкой языковой картины мира. Иностранцы считают Angst настолько немецким чувством, что оно превратилось в нарицательное понятие и без перевода используется в некоторых языках (например, в английском).

По словам А. Вежбицкой, этот концепт очень приблизительно соответствует словам со значением

«страх» в других языках, «поскольку в концепте «Angst» содержится нечто от состояния депрессии, тревоги, неприкрытости, незащищенности, неуверенности»⁶.

Словари немецкого языка толкуют слово Angst как «состояние души, связанное с угнетенностью, подавленностью или волнением перед лицом какой-то опасности; неотчетливое ощущение угрозы»⁷, как «большую заботу, беспокойство, неопределенное, зачастую беспочвенное чувство угрозы»⁸ или же как «гнетущее, тревожное ощущение угрозы»⁹.

Страх как естественное избегание опасности присущ всем без исключения культурам в качестве составной части человеческого бытия. Страх был свойственен не только древним людям, которые не могли защитить себя от окружающих опасностей, но

6 Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 601-602.

7 Duden Deutsches Universalwörterbuch, 4. Aufl. – Mannheim: Dudenverlag, 2001. – S. 136.

8 Wahrig Deutsches Wörterbuch (hrsg. von Renate Wahrig-Burfeind). – Gütersloh: Bertelsmann, 2001. – S. 173.

9 Duden Das Bedeutungswörterbuch, 3., neu bearb. und erw. Aufl. / Der Duden in 12 Bänden, Bd. 3. – Mannheim: Dudenverlag, 2002. – S. 90.

и является постоянным спутником современного цивилизованного человека, освоившего с помощью техники окружающий мир и познавшего его причинно-следственные связи. Его переживание необходимо, так как он служит защите жизни от угрожающих опасностей.

По словам В. Каст, страх, наряду с основными потребностями, является одной из самых могущественных движущих сил человеческого поведения. Это архаическое чувство, которое поставлено на службу выживания. «В чувстве страхе находят свое отражение глубоко человеческие проблемы. Существует мало тем, которые были бы так же продуктивны для анализа человеческой ситуации, как страх»¹⁰.

Философия различает два феномена: эмпирический страх-боязнь (Furcht) – и экзистенциальный страх-тревогу (Angst). В отличие от множества конкретных ситуативных страхов, метафизический страх – это фундаментальное экзистенциальное переживание. Он представляет собой не столкновение с какой-то определенной угрожающей человеку ситуацией, а своеобразное открытие, разверзание мира, встречу с бытием.

¹⁰ Kast V. Vom Sinn der Angst. – Wien, 2000. – S. 9.

Особое значение метафизический страх приобретает в философии экзистенциализма. Можно даже предполагать, что экзистенциальная философия выросла из обращения к этой теме, интерес к которой был связан с тем, что в XX веке в результате двух мировых войн, вера в разум и прогресс, как основополагающие жизненные принципы, была утрачена. Теперь мир предстает чуждым и враждебным, а бездомность человека в нем становится темой философии.

Экзистенциализм обращается к конкретному человеку с его трагическим мироощущением, чувством одиночества и заброшенности в пугающий, лишенный смысла мир. В центре внимания экзистенциальной философии оказывается мироощущение личности, которой открылась абсурдность ее существования как бытия-к-смерти.

Одним из важнейших понятий экзистенциальной философии становится страх. Однако страх – это не только негативная эмоция, одновременно он являет собой свидетельство «смерти Бога», обесмысливающей бытие (для атеистического экзистенциализма) или же, напротив, возможность встречи с Богом, обретения

трансцендентного измерения (для религиозного экзистенциализма).

Понятие метафизического страха в философию вводится Кьеркегором, со времен которого принято строго разграничивать Angst (метафизический страх-тревогу) и Furcht (эмпирический страх-боязнь). Кьеркегор называет метафизический страх «пропастью совести», «бесконечно ужасным страхом возможности греха», перед которым блекнет любой эмпирический страх какой-то конкретной угрозы.

Метафизический страх – это неопределенный страх перед Ничто, которое недоступно человеческому пониманию. Его нельзя ни понять, ни локализовать, и поэтому такому страху невозможно противостоять. Метафизический страх свойственен только человеку, потому что он конечен и осознает свою смерть. Осознание смертности, по Кьеркегору, порождает отчаяние («болезнь к смерти»). Страх неотделим от человека, так как без этого глубинного переживания невозможно подлинное существование.

М. Хайдеггер развил кьеркегоровскую идею метафизического страха. Он обращается к понятию страха в «Бытии и времени» в контек-

сте фундаментальной онтологии, тоже различая эти два вида страха.

Эмпирический страх всегда страшится чего-то определенного; испытывающий его прочно связан вещами, среди которых находится. Неопределенность метафизического страха – это не просто отсутствие определенности, но невозможность определенности. «В страхе, говорим мы, «человеку делается жутко». Что «делает себя» жутким и какому человеку? Мы не можем сказать, перед чем человеку жутко. Вообще делается жутко. Все вещи и мы сами тонем в каком-то безразличии»¹¹.

Метафизический страх связан со временем. Временность есть главная характеристика человеческого бытия. Страх необходим, ибо благодаря нему человек осознает свою конечность. В страхе раскрывается наша «выброшенность в смерть». Человеческая жизнь, по сути, является ничем иным, как «бытием – к – смерти». Человек страшится перед возможностью больше не быть в мире. Осознание собственной смертности принуждает человека к постоянной заботе о том, что ему предстоит.

11 Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – С. 20.

Если он забывает об этом, то погружается в «неподлинное» время, обыденность. Тогда он изменяет своей человеческой сущности и уподобляется животным, которые не знают о своей конечности.

Настоящий метафизический страх невозможно долгое время терпеть в чистом виде. Как только он появляется, обыденность (man) стремится превратить метафизический страх (Angst) в эмпирический (Furcht). «Если «man» удастся указать на определенный предмет, то страх переродится в боязнь... Конечно, боязнь тоже неприятна, но все-таки в меньшей степени, чем экзистенциальный страх, и является компромиссом»¹².

Исход в обыденность означает, что человек бежит от своей возможности быть собой в безличность. В страхе, как отмечает Хайдеггер, человеку неуютно (unheimlich), что означает его экзистенциальную бездомность (nicht-zuhause sein). От этого человек бежит туда, где он чувствует себя привычно. Но страх изгоняет человека из падения в обыденность в его подлинное существование.

12 Вэлэнс А. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека / под ред. П. С. Гуревича. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 292.

То особое место, которое понятие страха занимает в немецкой философии, показывает, что концепт, закодированный в слове *Angst*, играет исключительно важную роль в немецкой культуре в целом.

Вероятно, такая подробная разработанность данного понятия именно немецкой философией и немецким языком связана, прежде всего, с тем, что немецкая культура отличается повышенным страхом перед хаосом, стремлением максимально упорядочить все сферы жизни. Глубокая проработанность темы страха в немецкой культуре свидетельствует о значимости для нее культурного концепта безопасности, защищенности (Geborgenheit).

Geborgenheit как состояние экзистенциальной защищенности

Для представителей немецкой культуры уверенность в будущем и связанное с этим чувство защищенности представляет собой одну из самых значимых культурных ценностей. А. Вежбицкая упоминает слово *Sicherheit*, которое означает «полную УВЕРЕННОСТЬ в том, что ничего плохого не МОЖЕТ произойти (в этом

смысле оно создает большее чувство защищенности, нежели, скажем, английское *safety*, просто обещающее, что ничего плохого не произойдет, и даже *security*, обещающее сверх того, что ничего плохого и не МОЖЕТ произойти) и слово *Geborgenheit*, обозначающее чувство своего рода экзистенциальной защищенности»¹³. Отсутствие уверенности, непредсказуемость будущего, порождает экзистенциальный страх, который еще сильнее, нежели страх какой-то конкретной угрозы.

Поэтому такое значение в немецкой культуре наряду с концептом страх приобретает его антоним – концепт *Geborgenheit* (безопасность, защищенность). В словаре Варига *Geborgenheit* трактуется как «состояние безопасности, защищенности, уверенности». Это слово происходит от глагола “bergen”: 1) доставлять в безопасное место, спасать (поэт.), прятать, предохранять; 2) содержать, заключать что-либо в себе; 3) чувствовать себя в безопасности, чувствовать

себя как дома, защищенным, спокойно себя чувствовать»¹⁴.

Как все национальные концепты, это слово с трудом переводится на другие языки. В немецком языке существует множество языковых средств для описания столь значимого для них состояния экзистенциальной защищенности или его отсутствия.

А. Вежбицкая приводит два понятия, характеризующие чувство защищенности: «*Sicherheit*» – «безопасность, приобретаемая в уверенности» и «*Geborgenheit*» – укрытость, т. е. нахождение в месте, где можно чувствовать себя в безопасности и защищенным»¹⁵.

Как отмечает Х.-Д. Гельферт, немецкое слово *Sicherheit* – безопасность переводится без проблем на все языки, но немцы хотят большего, «им нужна *Geborgenheit* – чувство укрытости, защищенности. Для этого слова гораздо труднее подобрать эквивалент в других языках. Также и другие слова, которые происходят от основы «bergen» (укрывать в безопасном ме-

13 Шмелев А. Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 445-446.

14 Wahrig Deutsches Wörterbuch (hrsg. von Renate Wahrig-Burfeind). – Gütersloh: Bertelsmann, 2001. – S. 257.

15 Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 601-602.

сте, таить, скрывать) имеют типично немецкую ауру»¹⁶.

Geborgenheit – это больше, чем просто ощущение защищенности, она символизирует также близость, душевную теплоту, покой и мир, а также ощущение доверия, любви и принятия другими людьми.

Представители немецкой культуры нуждаются в небольшом, закрытом, четко обозначенном пространстве, где можно было бы укрыться от хаоса. Вероятно, ядром немецкой ментальности является иррациональное стремление найти защиту в некоем укрытии. В психологии повышенная потребность в безопасности объясняется стремлением найти замену уже испытанного пренатального опыта укрытости в материнском теле – дарящем защиту пространстве. Впоследствии человек всю жизнь стремится найти замену в реальной жизни для этого душевного состояния.

Роль такого укрытия, где человек может ощутить себя в тепле и безопасности, играет родной дом. Свой дом является противоположностью угрозам, напряжению и принуждениям внешнего мира, средоточием жиз-

ненных ценностей человека, центром его вселенной. Это место, где находятся его корни, его семья и домашний очаг. Важнейшей функцией дома является защита от всевозможных негативных проявлений внешнего мира. В Германии дом – это попытка создать экзистенциальное убежище, свой уютный маленький космос, защищающий от захлестывающего со всех сторон хаоса. Это место, где царят мир, покой, безопасность и человек не чувствует себя чужим, бездомным, экзистенциально одиноким. В своем доме нет ощущения неуверенности, страха перед холодным и хаотичным миром снаружи, неизвестным и непредсказуемым. Здесь царит порядок и теплое доверительное общение.

Наличие безопасного пространства, где царит задушевность, интимность, и который огражден от страхов и опасностей внешнего мира является одной из основных немецких потребностей.

Для немецкого языка и сознания характерно стремление описывать разумный упорядоченный мир как свой дом, его же отсутствие – как бездомность, выброшенность в хаос, что равнозначно страху (слово «Heim» означает «родной дом, домашний очаг»; «Unheimlichkeit», которая

16 Gelfert H.-D. Was ist deutsch? Wie die Deutschen wurden, was sie sind. – München, 2005. – S. 28.

переводится как «ужас», «жуть», буквально означает «бездомность», «отсутствие дома»). То есть состояние страха переживается немецким менталитетом как ситуация экзистенциальной бездомности.

Древнегерманские представления о мире описал Г. С. Кнабе: «Для древнего германца мир, им освоенный, носит название «митгард» – срединное селение, срединная усадьба. За его пределами лежит внешний мир – утгард. Он бесконечен, почти лишен света, там дует ледяной ветер, и текут реки, полные яда; повсюду сидят чудовища, полулюди, полужвери, глаза которых излучают противоестественный свет, а дыхание режет, как ножом»¹⁷. Местоположение утгарда двойственно: с одной стороны, он расположен где-то далеко, о чем рассказывается в легендах о людях, отправившихся странствовать и либо сгинувшим в безднах утгарда, либо вернувшимся неузнаваемо преобразенными. С другой стороны, утгард может находиться совсем рядом, в любой пещере или овраге. Его злобная близость становится особенно очевидной по ночам, когда чудовища,

живущие за границами нашего мира, могут поджидать человека прямо у крыльца.

То есть, согласно немецким представлениям, за пределами своего обустроенного мира лежит нечто ужасное, вызывающее страх. Поэтому так велика потребность в своем доме – укромном домашнем очаге, где человек чувствует себя в тепле и безопасности. По словам Г. Д. Гачева, «если рай по-эллинически – острова блаженных, сады Гесперид, поля Елисейские, вершина Олимп – все варианты открытого пространства, то германский рай героев – Walhalle = зал-дом-дворец воинов... То есть желанное, цель видится как ограниченное помещение, а не открытое пространство... Вне же Haus'a – wüste Schrecken – «пустынный ужас», небытие, а странник, кто без дома, – проклятый. Странник – von seinem Haus vertriebene, «из своего дома прогнанный»: опять от дома отталкиваются»¹⁸.

За пределами родного дома человек испытывает чувство страха, одиночества, экзистенциальной бездомности, что воплощается в понятии «unheimlich» – «жуткий», «тревож-

17 Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 94.

18 Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. – М.: Логос, 2008. – С. 218.

ный», «зловещий» (буквально «бездомный»). Отсутствие собственного безопасного пространства, в том числе, и в экзистенциальном смысле, подводит нас к основополагающему концепту немецкой культуры – метафизическому страху (Angst).

Заключение

Таким образом, Angst (метафизический страх) и Geborgenheit (безопасность, чувство защищенности) являются важнейшими концептами немецкой философии культуры. Тема экзистенциального страха нашла

свою глубокую проработку во многих областях немецкой культуры, в языке и философии, особенно в философии экзистенциализма. Важность этого концепта связана с попыткой защититься от чуждости и непредсказуемости мира. Попытка релятивировать страх перед хаосом, ощущение выброшенности человека в мир и радикальной бездомности связаны с концептом Geborgenheit (защищенность). Это потребность в наличии некоего экзистенциального убежища, защищающего от холодного и хаотичного мира снаружи, является одной из основных потребностей немецкой культуры.

Библиография

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
2. Вэлленс А. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека / под ред. П. С. Гуревича. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 297-306.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. – М.: Логос, 2008. – 422 с.
4. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Широка страна моя родная // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 176 – 186.
5. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Минск: Тетра-Системс, 2004. – 256 с.

7. Нерознак В. П. Теория словесности: старая и новая парадигмы // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – 320 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
10. Шмелев А. Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
11. Duden Das Bedeutungswörterbuch, 3., neu bearb. und erw. Aufl. / Der Duden in 12 Bänden, Bd. 3. – Mannheim: Dudenverlag, 2002. – 989 s.
12. Duden Deutsches Universalwörterbuch, 4. Aufl. – Mannheim: Dudenverlag, 2001. – 1892 s.
13. Gelfert H.-D. Was ist deutsch? Wie die Deutschen wurden, was sie sind. – München, 2005. – 211 s.
14. Kast V. Vom Sinn der Angst. – Wien, 2000. – 223 s.
15. Wahrig Deutsches Wörterbuch (hrsg. von Renate Wahrig-Burfeind). – Gütersloh: Bertelsmann, 2001. – 1451 s.

Concepts of existential fear (Angst) and safety (Geborgenheit) in the German philosophy of culture

Chesnokova Lesya Vladimirovna

Postgraduate student of the
department of philosophy,

Omsk State Pedagogical University,

P.O. Box 644099, Tukhachevskogo emb., No. 14, Omsk, Russia;

e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Abstract

The mind of any person present some basic core of knowledge, established national system of symbols and associations, that each representative of a culture learns in the process of socialization in their society. Having learned it, a man as if gets a key to the national culture, belonging to which conditions the features of the world perception. Culture that shaped a person's world is a kind of prism through which he looks at the world around him, coordinating actions with the values inherent in the society.

Angst (metaphysical fear) and Geborgenheit (security, a sense of security) are the most important concepts of the German philosophy of culture. Theme of existential angst found its deep study in many areas of German culture, language and philosophy, especially in the philosophy of existentialism. The importance of this concept is associated with an attempt to protect from the strangeness and unpredictability of the world. Trying to relativate fear of chaos, a sense of being rejected in the whole world and radical homelessness are linked to the concept of Geborgenheit (security). This need to have a certain existential refuge that protects against cold and chaotic world outside is one of the basic needs of the German culture.

Keywords

Cultural concept, existential fear (Angst), safety (Geborgenheit), existentialism, nothingness.

References

1. *Duden Das Bedeutungswörterbuch, 3., neu bearb. und erw. Aufl. Der Duden in 12 Bänden, Bd. 3*, Dudenverlag, Mannheim, 2002, 989 s.
2. *Duden Deutsches Universalwörterbuch, 4. Aufl.*, Dudenverlag, Mannheim, 2001, 1892 s.
3. Gachev, G.D. (2008), *National images of the world. Hellas, Germany, France: the experience of existential cultural studies* [Natsional'nye obrazy mira. Ellada, Germaniya, Frantsiya: opyt ekzistentsial'noi kul'turologii], Logos, Moscow , 422 p.

4. Gelfert, H.-D. (2005), *Was ist deutsch? Wie die Deutschen wurden, was sie sind*, München, 211 s.
5. Heidegger, M. (1993), *Time and existence. Articles and Speeches* [*Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya*], Respublika, Moscow, 447 p.
6. Kast, V. (2000), *Vom Sinn der Angst*, Wien, 223 s.
7. Markovina, I.Yu., Sorokin, Yu.A. (2008), *Culture and text. Introduction to lacunology* [*Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu*], GEOTAR-Media, Moscow, 144 p.
8. Maslova, V.A. (2004), *Cognitive Linguistics: study guide* [*Kognitivnaya lingvistika: Uchebnoe posobie*], TetraSystems, Minsk, 256 p.
9. Neroznak, V.P. (1997), "Theory of Literature: old and new paradigms", *Russian philology. From the theory of philology to the structure of the text. Anthology* ["Teoriya slovesnosti: staraya i novaya paradigm", *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya*], Moscow, 320 p.
10. Shmelev, A.D. (2005), "Some trends in the semantic development of Russian discourse words (in any case, if that, suppose)", *Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. Key Ideas of the Russian language image of the world* ["Nekotorye tendentsii semanticheskogo razvitiya russkikh diskursivnykh slov (na vsyakh sluchai, esli chto, vdrug)", *Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. Klyuchevye idei russkoi yazykovoï kartiny mira*], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, 544 p.
11. Stepanov, Yu.S. (2004), *Constants: Dictionary of Russian culture* [*Konstanty: slovar' russkoi kul'tury*], Akademicheskii Proekt, Moscow, 992 p.
12. Velens, A., Gurevich, P.S. (1993), "Notes on the concept of fear in contemporary philosophy", *The Phenomenon of A Man* ["Zametki o ponyatii strakha v sovremennoi filosofii", *Fenomen cheloveka*], Vysshaya shkola, Moscow, pp. 297-306.
13. Vezhbitskaya, A. (1999), *Semantic universals and languages description* [*Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov*], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, 780 p.
14. *Wahrig Deutsches Wörterbuch (hrsg. von Renate Wahrig-Burfeind)*, Bertelsmann, Gütersloh, 2001, 1451 s.
15. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. (2002), "My native country is very broad" ["Shiroka strana moya rodnaya"], *Otechestvennyye zapiski*, No. 6, pp. 176 – 186.